
Первыми выгорают самые нужные
ВАХТЕР
История третья. Учительница
Дмитрий Маньков

Дмитрий Маньков
Учительница

https://litres.ru/74704448
SelfPub; 2026

Аннотация

«Первыми выгорают самые нужные».

Учитель — это не просто профессия. Это призвание, смысл жизни и ежедневный подвиг. Но что делать, если однажды весь твой мир рушится? Ученики перестают видеть в тебе человека. Родители — союзника. Система — наставника. А равнодушная толпа просто проходит мимо.

Лариса шла на работу, когда боль сжала сердце. На руках — тетради, в душе — пустота, а вокруг — ледяное безразличие большого города. Егорыч оказался единственным, кто остановился, когда она упала.

Эта история — о профессиональном выгорании, о потере веры в себя и о том, как тёплое слово и правильный чай могут вернуть человека к жизни. А ещё — о маленьком поцелуе в щёку, который заставил старого вахтёра почувствовать себя молодым.

Содержание

Глава 3. Учительница. 4
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Дмитрий Маньков
Учительница

Глава 3. Учительница.

Мир меняется слишком быстро. Транспорта на улицах стало больше, чем людей. А зелени, наоборот, — меньше. Красивые вывески магазинов и реклама: «Два зуба по цене одного» , и – «Переходи на реактивный интернет и плати в два раза меньше» сменили плакаты с лозунгами: «Работай и учись! Учись и работай!», «Дерзать, искать, творить» и «Советское — значит лучшее!». Картинки стали лучше, качественнее. Но содержание потеряло глубокий смысл, переориентировавшись на продажу вместо создания и формирования мировоззрения общества. Одно хорошо — в отделениях почты больше не было очередей.

Всё цивильно, в своём фирменном сине-белом стиле. Сотрудники начали носить форму и всем улыбаться. Даже когда в глазах сохранялась та, прежняя, нестираемая грусть. Электронная очередь уничтожила последний оплот сопротивления простых человеческих случайных взаимоотношений. А корпоративная этика забрала те крохи власти, что были в руках у сотрудников отделений, заставив их улыбаться всем клиентам через силу, вопреки собственным иллюзор-

ным амбициям.

Егорыч улыбнулся Тамаре и перехватил посылку в левую руку, чтобы было удобно поставить подпись в уведомлении о вручении.

— Как обычно? — устало улыбнулась женщина. Штат отделения недавно сократили из-за оптимизации, и ей приходилось выполнять задачи за себя и других. Работы стало в два раза больше, а зарплату оставили старую. Лишь пообещали выдать премию в конце квартала. Но и этого не будет. Не первый раз уже так кидают. — По тебе хоть календарь сверяй.

Егорыч ходил на почту стабильно раз в две недели. Забрать посылку от сестры и отправить ответное письмо. Это был их собственный ритуал. На самом деле жила сестра не так далеко, но ехать всё же было долго. Пять часов в дороге в их возрасте — ещё то испытание для уже немолодого организма. Можно, конечно, и позвонить. Но это как-то не по-настоящему. Голос через расстояния — это волшебство современного мира. Неправильное волшебство. Удобное? Сто процентов. Но всё же неправильное. Говорить, не видя собеседника, — как плавать в бассейне, где вода по колено. Плыть-то можно, но ощущения совсем не те. Звонки — только для экстренных случаев. Когда срочность действительно становится важнее всего остального.

А вот письма — совсем другое дело. Письма — это душа общения. Письмо может передать больше, чем простой

разговор. Ты садишься, настраиваешься и говоришь всё, что неловко или трудно произнести с глазу на глаз. Письмо сглаживает неровности, убирает ненужное и доносит всё, включая глубинные эмоции. В письмах чувства раскрываются во всей своей красоте. В них даже простые фразы звучат както по-особенному, не так буднично. Не так условно.

— Спасибо, Тамара. — Егорыч кивнул и пошёл к выходу.

Зима начиналась скромно, без осадков. Ветер холодный, температура упала до минуса по ночам. Без головного убора стало опасно ходить. Да и лёгкие курточки пришло время сменить на пальто и полноценную тёплую одежду.

Егорыч поёжился и запахнул ворот плотнее.

Серый день не вызывал радости на душе. В такие дни хорошо сидеть дома и пить чай. С сухариками. При мысли о том, чем была наполнена до краёв посылка из дома, у старика потеплело на душе. Жена Андрея, как и обещала, исправно передавала через мужа приготовленные вручную хлебобулочные изделия. Но до волшебных сухариков родной сестры её продукции было очень и очень далеко.

Возможно, тут дело было не во вкусе, а в самом Егорыче. Сухарики — это ведь не только еда, это настоящая забота. Это нежность семейного очага, которого у вахтёра давно не было. Это память о счастливом детстве и голос, напоминающий, что у него ещё остались близкие люди. Люди, которые о нём, одиноком старике, никогда не забывают.

— Помогите…

Мольба о помощи, едва-едва пробивавшаяся через звуки городской суеты, вырвала Егорыча из размышлений. Он огляделся в поисках источника звука. Молодой парень, то ли школьник, то ли студент, в наушниках, с отрешённым лицом шёл мимо и никак не реагировал. Ну, оно и понятно: у него есть музыка, и пусть весь мир подождёт. Красивая девушка по телефону громко и увлечённо рассказывала, судя по всему, подруге, как ей надоело выслушивать от родителей претензии по поводу отсутствия внуков и никак не наступающего замужества. Трое мальчишек лет одиннадцати-двенадцати на вид громко ржали, смотря что-то в смартфоне прямо на ходу, — для них тоже окружающего мира не существовало сейчас. Пожилая женщина, облокотившаяся на фонарный столб, тяжело дышала, прижав вторую руку к груди. Рядом на мостовой лежали её сумка и целлофановый пакет, из которого высыпались школьные тетради. Прохожие либо проходили мимо, даже бегло не взглянув на неё, либо и вовсе сторонились, словно она прокажённая.

Егорыч поспешил к женщине.

— Что с вами? — Он положил посылку рядом с сумкой и помог женщине дойти до скамейки. Благо та была совсем рядом. — Сердце?

Лицо женщины было совсем бледным. Она тяжело дышала. И продолжала держаться за грудь.

— Что болит?

— Не… болит. Дышать тяжело… и слабость, голова кру-

жится… в глазах помутилось… вот я и… запаниковала. Сейчас… пройдёт.

Егорыч нахмурился.

— Чувствуете боль в спине, шее или челюсти? Тошноту?

Женщина слегка озадаченно посмотрела на него. Задумалась.

— Между лопатками колет. А ещё в плечо отдаёт… немного. Ну, мутит… но это от голода, скорее всего…

— Посидите, я схожу за нашими вещами.

Он отошёл к столбу, где оставил посылку и вещи женщины, достал телефон и набрал 112.

— Диспетчер слушает, — послышалось в трубке ровным деловым тоном.

— Женщина в возрасте, подозрение на инфаркт. Затруднённое дыхание, слабость, головокружение, бледный вид, боли в спине и плече. Тошнота.

— Адрес?

Егорыч сказал, куда ехать, и поспешил обратно.

— Вы учительница? — уточнил он, положив пакет с тетрадками и сумочку рядом на лавочку.

— Да, в школе номер шесть. Спасибо, что помогли. Мне, правда, стало полегче уже. Сейчас немного отдохну и пойду дальше.

— Куда? На работу?

— Да, у меня занятия. Вторая смена. Скоро начнутся уже.

— Вам стоит позвонить начальству и отпроситься на се-

годня.

— Нет, что вы! — Женщина попыталась подняться, но потеряла равновесие, и Егорыч помог ей снова опуститься на лавочку.

— У вас, возможно, инфаркт. Я вызвал скорую, они сейчас приедут. Нужно позвонить кому-то из родных и предупредить.

Женщина долго смотрела на Егорыча немигающими глазами. Русые волосы с проседью у висков, стянутые в низкий пучок, из которого выбиваются пряди. Серо-голубые выцветшие глаза, две глубокие складки между бровями, бледные губы без помады. Простой серый пиджак с потёртыми локтями, юбка ниже колена, удобные туфли со стоптанными каблуками. От неё пахло мелом, старой бумагой и почти выдохшимися духами.

Она сопротивлялась, не хотела сдаваться. Настоящая советская женщина. Та, что коня не побоится и вынесет дитя из горящей избы. Но в глазах у неё была такая усталость… Нет, даже не усталость — боль. Не та, что рвёт сердце разом и на части. Боль долгая, тупая. Она давит, подобно медленно сжимающимся стенам в крохотном помещении. Когда не видно выхода, а стены всё сближаются и сближаются, грозясь с минуты на минуту раздавить тебя совсем.

— Некому звонить. — Она опустила глаза. — Дети далеко, муж уехал лет пять назад на заработки и так и не вернулся. У меня осталась только школа. Ученики…

Последнее слово она произнесла словно бы с надеждой, но голос сорвался. Женщина дёрнулась и завалилась на бок. Потеряла сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.